- Я приношу свои извинения, - сказал С-3ПО, поворачиваясь всем телом к Оби-Вану. - Это покрытие было подарком госпожи Падме, когда я поступил к ней на службу.”

- Да,-криво усмехнулся Оби-Ван. - Дроид, достойный королевы.”

- Он прав, - согласилась Падме. - Наверное, нам следует перекрасить тебя. Мне очень жаль, Трипио.”

- Какого цвета ты хочешь быть?” - спросил Энакин. Он заметил, что Падме по-прежнему не смотрит ему в глаза. Он старался, чтобы его тон был легким, нейтральным… обычным.

- Оу, дорогая, я не знаю, я … …”

Р2-Д2 издал звуковой сигнал и развернул свой фоторецептор.

- Синий?!” сказал С-3ПО. “Я—”

- Значит, синий,” сказал Оби-Ван. - Прекрасно. Хорошо. Падме, у меня есть 5000 кредитов с корабля. Этого должно быть достаточно, чтобы купить нам транспорт на другую планету, так что я думаю, мы можем немного сэкономить на ремонте.

- Как скажешь, Оби-Ван, - сказала она почти так же рассеянно, как торговец космическими кораблями.

Энакин шагнул вперед и обнял ее за плечи. “Тебе нужно убраться с солнца, - заботливо

сказал он. Они находились на жаркой, засушливой планете далеко во Внешнем Кольце. Не так страшно и адски, как Татуин, но все еще далек от умеренного Набу или контролируемого климатом Корусканта.

Он бросил взгляд на Оби-Вана, а затем начал уводить Падме от жаркого солнца. Оби-Ван выглядел так, как будто он мог запротестовать на мгновение, а затем просто жестом пригласил С-3ПО следовать за ним. Р2-Д2 катился за ними, возбужденно щебеча.

Падме позволила отвести себя к скамейке под навесом, и Энакин отмахнулся от

лавочника, который пытался выйти и поговорить с ними. - Ты в порядке?” - спросил он, вглядываясь в ее лицо в поисках каких-либо признаков того, что ее бледность была вызвана не только меланхолическим настроением, в которое она впала. - Как ты себя чувствуешь?”- Голодна, - сказала она, глядя на фрукт шуура, зажатый в ее тонкой руке. Она откусила кусочек и сказала через соки: “Устала.”

- Как там малыши?”

Она выгнула спину с болезненным видом. “Тяжелые,” сказала она. - И неуправляемый. Один из них пытается вырвать мне позвоночник.”

- Тебе нужно прилечь?”

- Энакин, остановись.”

Он отстранился. - Мне очень жаль.”

- Все в порядке. Я в порядке, - сказала она, смягчаясь. “Все эти путешествия-это… просто

трудно.”

- Все почти закончилось. Мы найдем корабль, который доставит нас в Осаллао, и я думаю, этого будет достаточно, чтобы по нашему следу было трудно идти.”

- Мы могли бы остаться здесь, - нерешительно сказала она.

- Только не с этим кораблем на этой планете.”

Она кивнула. Она молча ела шууру, и ему пришлось остановить себя, чтобы просто не смотреть на нее. Вместо этого он сделал вид, что осматривает толпу, как будто думал, что батальон солдат-клонов может появиться в любой момент.

- Это было привезено с Набу, - сказала она, нарушая молчание. Он взглянул на фрукты. - Это было мое любимое. Однажды я пробралась на кухню и съела так много, что меня стошнило. Я поклялась, что больше никогда не съем ни одного, но через неделю вернулась к этому. Мама сказала, что я растолстею.” Она покачала головой.

- Матери могут говорить такие обидные вещи, не имея на то никакого смысла.”

Энакин позволил ей болтать, наслаждаясь ее воспоминаниями, несмотря на то, что он слышал эту историю раньше. Падме всегда говорила, что ее мать была самой теплой, заботливой женщиной, которая любила готовить для своей семьи — и это была та женщина, которую он помнил, когда они встречались много лет назад, когда они остановились в доме Падме по пути в озерный край. Но Джобал Наберри также

внушил своим дочерям убеждение, что их внешний вид очень важен, и они никогда не должны позволять себе становиться неряшливыми или толстыми.

- Это просто Набу", - сказала однажды Падме пренебрежительно. Вы должны выглядеть соответственно. Быть утонченным-значит быть честным. Я никогда не была бы избрана королевой, если бы не была красивой фигурой в Голонете. Так что моя мать в каком-то смысле права. Хотя мне бы не хотелось говорить об этом своей дочери. Когда ты молод, больно думать, что такая невинная вещь, как любовь к сладостям, может заставить людей перестать любить тебя.

Теперь он вспомнил, как был очарован, слушая, как Падме рассказывает о своей жизни как в детстве. Хорошо это или плохо, но все это так сильно отличалось от его собственного. На Татуине никогда не было риска, чтобы раб переел, и единственными существами, которые толстели, были рабовладельцы и хатты. К тому же юность каждого быстро увядала под палящими солнцами, так что тщеславие как признак добродетели вряд ли было практичным.

http://tl.rulate.ru/book/23863/1425640